

КУЛЬТУРА

Труд. 1998. — 19 мая. — С. 4

Владимир
КРАЙНЕВ:

В СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ ХОЧЕТСЯ ИГРАТЬ МОЦАРТА

Не многие музыканты могут гордиться тем, что еще при жизни их именами называют творческие конкурсы. Народный артист СССР Владимир Крайнев может. Много лет назад замечательный пианист и педагог Генрих Нейгауз назвал его одним из самых любимых и талантливых учеников. С тех пор много воды утекло — Крайнев побеждал на крупнейших международных конкурсах, в том числе на конкурсе имени Чайковского, получил мировую известность. Теперь и у него есть свои ученики. Тоже, естественно, любимые и талантливые.

Фото ИТАР-ТАСС.

— Владимир Всеволодович, как родилась идея создания конкурса вашего имени?

— Для меня самого было неожиданностью, когда семь лет назад позвонил директор Харьковской музыкальной школы-десятилетки, в которой я когда-то учился, и предложил организовать такой конкурс. А уже через год он состоялся, что я отношу полностью за счет энтузиазма организаторов. Правда, тогда мы не думали, что конкурс будет международным. Это уже потом "решили" за всех нас Ельцин, Шушкевич и Кравчук. Мы же стараемся сохранить единое культурное пространство бывшего Союза, традиции отечественной исполнительской школы. На последнем конкурсе Гран-при в младшей группе получила замечательная девочка из Китая Тонг Бо. Спросите, при чем здесь отечественная исполнительская школа? Дело в том, что китайку учила наш педагог из Санкт-Петербурга. Каждому члену жюри, будь он из Киева, Москвы, Тулузы или Пармы, хочется, чтобы победил представитель его страны, но я знаю по опыту, что судейство у нас честное и принципиальное. Мы обращаем внимание не только на то, сколь верно юный музыкант воспроизводит нотный текст, но и проявляет ли он себя как личность. Проблески яркой творческой натуры можно угадать и в восьмилетней исполнительнице, как это произошло на последнем конкурсе с харьковчанкой Динарой Наджафовой. Уж не говорю об Илье Рашковском из Новосибирска, который получил Гран-при в старшей группе.

— Если позволите — о "презренном металле": неужели все расходы по конкурсу оплачивает тот, чьим именем он назван?

— Нет, конечно. Из моего фонда выплачиваются два Гран-при и премии педагогам, подготовившим этих победителей. Остальное предоставляют организаторы, спонсоры. Наконец, родители детей, которые могут себе это позволить.

— Итак, вы горячий приверженец идеи конкурсов и не разделяете той точки зрения, что они травмируют психику детей?

— В жизни побеждает сильнейший, то есть более одаренный, более профессиональный. И никуда от этого не денешься. Детей надо приучать к реальной жизни, а не оберегать от нее, иначе травмы психики действительно будут неизбежны.

— Вас никогда не упрекали в недостатке патриотизма? Мол, говорит об отечественной исполнительской школе, а сам поселился в Ганновере...

— Упрекали, конечно. Но если бы я не уехал в Германию преподавать, впору было бы учреждать фонд в поддержку меня самого: при российской зарплате профессора консерватории не выбраться из нищеты.

— Ваша семья тоже живет в Германии?

— Мама переехала туда со мной и, хотя ей скоро восемьдесят, принимает самое деятельное участие во всем, начиная от ведения хозяйства до заботы об учениках. Мама вообще уникальный человек. По специальности она врач-педиатр. Когда-то в Харькове, где мы жили, во время посещения больных ее сопровождал добровольный эскорт из отцов спасенных ею детей. Это было во время присопамятного "дела врачей", когда уничтожить могли не только морально...

Кстати, мои ученики души не чают и в жене, хотя немного ее побаиваются. Татьяна Анатольевна Тарасова по-прежнему тренирует фигуристов. Последние два года — в основном в Америке, но также и в Москве, и в том же Ганновере. Успехам жены можно позавидовать. Ее имя впору заносить в Книгу рекордов Гиннеса как самого результативного тренера в фигурном катании — воспитанники Тарасовой завоевали шесть олимпийских медалей.

— Вы известны как пианист с универсальным репертуаром. И все же есть что-то особенно любимое, отвечающее вашему вкусу?

— Мои пристрастия непостоянны, на них влияют погода, настроение. В солнечный день хочется играть Моцарта. В какой-то момент зазвучит в памяти Шуберт или Бах... Вообще все, что видишь, слышишь, ощущаешь, проходит в душе своеобразную "перемолку" — и вдруг совсем по-новому открываются тебе музыкальные образы, давно, казалось бы, знакомые. Недавно перечитывал Бунина и Паустовского — и неожиданно память стала "озвучивать" их произведениями русских композиторов, причем такими, которые я раньше никогда не отнес бы к образцам иллюстративной музыки. А когда слышу или играю "Времена года" Чайковского, "вижу" прежде всего пейзажи Нестерова. Вся эта ассоциативность приходит с опытом. Завидую ученикам: они многого не знают, и сколько открытий у них еще впереди!

Беседу вел
Александр ЧЕПАЛОВ.

ХАРЬКОВ.